

ВЕРА ПРАВДА (ЛАВРИНА)

***

Сегодня первое ноября,
Среда, как и там, у тебя.
И осень дождит, о чём-то скорбя,
Тоже, как у тебя.

Вечер. И первые мушки зимы
Бьются в окно иногда.
Теперь только этим и связаны мы –
Осень. Вечер. Среда.

1979

***

Прохожий, вы, кажется, тоже,
Как я, влюблены в этот вечер?
А может, мы с вами схожи
Не только чувством беспечным?

Взгляд ваш неосторожный
На миг назвал меня милой,
Но так как вы только прохожий –
Вы проходите мимо.

1979

***

Сквозь влажные и тяжёлые
Громады свинцовых туч
Пробился несмело жёлтый
Хрупкий весенний луч.

С опаскою приземлился
На мёрзлые комья земли,
Мгновение – и разбился б!
Разиня! Ну-ка, взгляни:

Висят, сверкая, под крышей
Сладости для лучей –
Гирлянды прозрачных ледышек.

Попробуй, лизни скорей!

1979

***

Вкрадчиво вечер приник
Тихий к окну.
В комнате, тесной от книг,
Так и живу.

Утром – стакан молока,
Хлеб да яйцо.
Губы подкрашу слегка,
Палец – в кольцо.

Вяз молодой шелестит,
Вязнет во мгле.
Звездочка ярко блестит
На стекле.

1979

***

Я сижу на старом табурете,
В комнате неприбранной и узкой,
В доме пригорода, на планете,
В космосе летящей между тусклых
Звёзд, туманностей и млечной пыли.

Смятая постель на раскладушке,
Душный запах кухни, окна голы.
Эта комната чужой старушки,
С щелеватым и облезлым полом, –
Мне жилище в космосе безбрежном.

1982

***

Дождь, ты решил всерьез
Нынче меня донять:

Тонкие нити слёз
Тучи сучат полдня.

Мокнут, стынут дома,
Жмутся под шляпами крыш.
Можно сойти с ума! –
Ты шелестишь, шелестишь...

1986

БЕССОНИЦА

Пришла и села в изголовье
Незваной ты
И напоила нелюбовью
До тошноты.
Впотьмах водила роговицей –
Как нож по льду.
И в вышине проткнули спицей
Звезду.

1996

***

Мне руку и лицо
Шершавым языком
Лизнул осенний дождь,
Как будто бы и он
Был тоже одинок,
Искал себе приют.
Как будто бы и я
Могла его понять,
Могла бы полюбить.
И струи влажных рук
На плечи мне легли,
И замедлялся шаг...
Но...
Хлопотен роман

С бездомным и немым,
И я закрыла дверь.

1995

***

Снегопад, неисправимый романтик,
На развалинах осени снова трудишься ты.
Снегопад, мой возлюбленный мальчик,
Ты идешь со мной рядом, но... с такой высоты.

1995

***

Помню я и сейчас все свои детские платья,
Их карманы, переплетение нитей на тканях,
Тесьму, манжеты, охватывающие запястья.
Волновал перед тем, как надеть их, заранее,
Опьяняющий запах далеких столиц недоступных.
Помню платье из шелка, легкое, голубое,
На кокетке бусины трех пуговичек некрупных,
По низу – зубчиков полотно кружевное.
Любимое – красное с плиссированной юбкой,
По бокам – с двумя красными поясками.
Покружишься в нем перед Милехиной Любкой –
Раскрывается китайскими веерами.
Сарафанчики белые в мелкий цветочек
Для меня и сестры к лету мама сшила:
Любила в такие одевать дочек.
И однажды крепдешин на платья купила:
Как будто Кандинский красил ткань, трудился
Над ним, колдуя в разгаре лета,
Или на черное полотно пролился ливень красок,
Насыщенных до предельного цвета.
Мои детские платья, вы были просто одеждой,
Хоть и полной значенья для ребячьего лада.
Но теперь ваши ситцы, шелка и поплины нежно
Распускаются в памяти, как цветы библейского сада.

***

Звуки тянутся по деревянной трубе,
 Жалуясь на сужение горлышка, пытаюсь
 Сквозь узкую прорезь проникнуть к тебе,
 На пальцы тонкие органиста натываясь.
 Вдруг, вырвавшись разом, наперегонки
 Устремились кверху, забыв, что мы рядом,
 И, ударившись о сводчатые потолки,
 Рухнули вниз ветром, дождем, листопадом.

***

Мне этот дом и ныне снится:
 Лучами заткан воздух в нем,
 И держит старая божница
 Иконы с Девой и Христом.

И как мне память урезонить?
 Кружит... как в свете мотыльки,
 Влетает, гладит подоконник,
 Обшаривает сундуки.

Где там мешочек с карамельками? –
 Внучатам – по три и гостям.
 И сыплются цветочки мелкие
 По ярким ситцевым коврам.

Узорятся оборки белые
 Кроватей пышных, пуховых,
 Лежат подушки полнотелые
 Там в накидушках кружевных.

А в сенцах – дух воскресной сдобы
 И вьется керогаза дым,
 И пенку сладкую на пробу
 Позволено нам есть самим.

Гудит на лавке сепаратор,
Как с крылышек его, взглядишь,
Струя крученая абрата
И струйка сливок полились.

И кажется: вот я приеду –
А баба с дедой за столом:
«Садись-ка, внученька, отведай
Чайку с горячим пирожком».

1999

***

На улицу, быстреей!
В обнимку с юным летом,
Залившим янтарем
Все просини, просветы,
Просветы меж ветвей,
И листьев, и травинок,
Играющих детей,
Порхающих косынок.
На улицу, быстреей!
Не медли ни мгновенья! –
Бегу! Лишь допишу
Свое стихотворенье.

2000